

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch112164>

«Массовая» школа для подготовки служилых в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.)

Часть 1. История возникновения в контексте биографии Кун-цзы (552–479 гг. до н. э.)

М.Ю. Ульянов

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета, Москва, Российская Федерация
Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье говорится о возникновении во второй половине VI в. до н. э. в царстве Лу новой школы, которая была предназначена для подготовки «служилых» (*ши* 士). Она пришла на смену древним «храмовым» и «дворцовым» школам. Ее создателем считается Конфуций (552–479 гг. до н. э.). Возникновение такой школы — проявление культурного процесса. Поскольку она была предназначена для обучения «служилых», то ее появление было вызвано социальным процессом — формированием этой новой социальной группы. В свою очередь данный процесс был вызван ростом противоречий в борьбе за высшую власть между монархами и их родственниками по мужской линии, кланами потомков монархов предыдущих поколений. Эти противоречия являются проявлением политического процесса.

Поскольку данная новая школа не была элитарной, а была доступна и для выходцев из различных социальных групп, а также уроженцев других царств, то ее можно назвать «массовой». Важнейшим источником является биография Конфуция в *Шицзи* («Исторические записки», глава 47) Сыма Цяня (145–86? гг. до н. э.).

Ключевые слова: Древний Китай; Восточная Азия; школа в древневосточном обществе; период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.); монархическая власть; династия; служилое сословие.

Как цитировать

Ульянов М.Ю. «Массовая» школа для подготовки служилых в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.). Часть 1. История возникновения в контексте биографии Кун-цзы (552–479 гг. до н. э.) // *Китай: общество и культура*. 2022. Т. 1. № 2. С. 67–84. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch112164>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch112164>

The “Common” School for the Training of official in the Chunqiu Period (771–453 BC): Part 1. The History of Emerging in the Context of the Biography of Kung Tzu (552–479 BC)

Mark Yu. Ulianov

Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article centres upon the emergence in the second half of the VI century BC in the kingdom of Lu a new school, which was intended for the training of officials and was of a mass character. It replaced the “temple” and “palace” schools. Confucius (552–479) is considered its founder.

The emergence of such a school is a manifestation of a *cultural process*. Since it was intended for the training of “men of service” (“*servitors*”), its appearance was caused by a *social process* — the formation of this new social group. In turn, this process was caused by the growth of contradictions in the struggle for supreme power between the monarchs and their relatives in the male line, the clans of the descendants of the monarchs of previous generations. These contradictions are a manifestation of the *political process*. Since the new school was not elite, but was available to people from various social groups and natives of other kingdoms, it can be called “mass school”. The most important and most complete source of information about this is his biography, which is contained in chapter 47 of Sima Qian’s *Shiji*.

Keywords: Ancient China, East Asia, school in ancient eastern society, Chunqiu period, monarchy, dynasty, men of service.

To cite this article

Ulianov MYu. The “Common” School for the Training of official in the Chunqiu Period (771–453 BC): Part 1. The History of Emerging in the Context of the Biography of Kung Tzu (552–479 BC). *China: Society and Culture*. 2022;1(2):67–84. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch112164>

Received: 30.10.2022

Accepted: 08.12.2022

Published online: 08.02.2023

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch112164>

春秋时期（公元前771-453年）的官学：一、从孔子传（公元前552-479年）看其产生的历史

Mark Yu. Ulianov

Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

摘要

本文致力于研究公元前六世纪在鲁国产生的一座新的旨在培养公士公开的学校。这座学校体系逐渐代替《宫庭学校》和《寺庙学校》。其创始人被认为是孔子。这一类学校的出现是一种文化进程的体现。既然是为培养“公士”而设计的，它的出现就是由一个社会过程引起的——这个新的社会群体的形成。反过来，这个过程是由于君主与其父系亲戚，即历代君主的子孙氏族之间争夺至高无上权力的矛盾增长所导致的。这些矛盾是政治过程的表现。由于新学校不是贵族学校，而是面向不同社会群体的人和其他王国的当地人，因此可以称为“大众学校”。详细描述孔子传记与他学校学派的历史最重要的史源是司马迁的史记（第47卷）。

关键词：古代中国，东亚，古代东方社会里的学校，春秋时代，君主制，朝代，公士。

如何引用文章

Ulianov MYu.春秋时期（公元前771-453年）的官学：一、从孔子传（公元前552-479年）看其产生的历史. *China: Society and Culture*. 2022;1(2):67-84. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch112164>

收到: 30.10.2022

接受: 08.12.2022

网络刊登: 08.02.2023

...Он был передовым человеком своей эпохи.
Он обладал исключительным чувством нового,
...того существенного нового,
которое действительно
рождалось из смерти старого и которому
действительно принадлежало будущее.
М.М. Бахтин [1] (с. 493)

Введение

Данная статья относится к циклу работ, посвященных «школам» периода Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) [2–6]. В них под «школой» мы понимаем не здание и образовательное учреждение, которое расположено в нем, а конкретный культурный институт, существующий для обучения молодого поколения и для передачи ему социального опыта. Исследуя их, мы стремимся ставить и решать сугубо исторические задачи, т. е. рассматривать то или иное явление с учетом особенностей протекания в конкретную эпоху исторических процессов в политической, социальной, экономической и культурной сферах¹.

В данной статье рассматривается процесс возникновения во второй половине VI в. до н. э. школы нового типа, которая стала важнейшим культурным институтом, не уступавшим по своей значимости более древним «храмовой» и «дворцовой» школам. Эта школа нового типа значительно повлияла на «общинную» школу². Соответственно вместе с ней начала формироваться и новая культурная среда, которую назовем «интеллектуальной»; к началу периода Чжаньго (середина V в. до н. э.) она стала сопоставима по значимости с «храмовой», «дворцовой» и «общинной» культурными средами. Ее появление стало одним из условий колоссального развития общественной мысли в этот период.

Возникновение такой школы — это проявление **культурного процесса**, но поскольку школа эта была предназначена для обучения представителей «служилых» (*ши*

士), точнее, «людей службы», «тех, кто служит», «служившего сословия», то ее появление было вызвано **социальным процессом** — формированием в течение VI в. до н. э. этой новой социальной группы³.

В свою очередь этот процесс был инициирован социальным и политическим кризисом предыдущего времени, возникшего в силу роста противоречий в борьбе за высшую власть между носителем высшей власти и его родственниками по мужской линии, представителями кланов потомков монархов предыдущих поколений (будем называть их «аристократией»). Эти противоречия, имеющие форму политической борьбы, являются ярким проявлением **политического процесса**⁴.

Поскольку новая школа эта не была элитарной (т.е. аристократической), а являлась доступной для выходцев из различных социальных групп и уроженцев различных царств, то ее можно назвать «массовой»⁵. Эта школа стала одним из ключевых социальных и культурных институтов описываемого времени.

Таким образом, в центре нашего внимания три важнейших для второй половины VI — первой половины V в. до н. э. исторических процесса: социальный, связанный с возникновением новой социальной группы; культурный, связанный с возникновением новой школы; политический, связанный с борьбой за власть высших слоев общества. Формирование новой социальной группы и появление «школы» нового типа взаимосвязаны, это важнейшие исторические явления описываемого времени, которые требуют тщательного изучения⁶.

Данные о первых «массовых» школах немногочисленны. Самые ранние упоминания о них связаны с именем Конфуция (552–479 гг. до н. э.) — одной из ключевых фигур всей китайской истории⁷. Он был преподавателем в одной из таких школ. Будем называть его подобно другим китайским мыслителям древности — Кун-цзы.

¹ О нашем понимании термина «исторический процесс» и его составляющих см. [2, 7, 8].

² Этот феномен заслуживает отдельного исследования. Мы думаем, что возникновение массовой школы привело к тому, что «общинная» школа начала утрачивать архаические черты школы подготовки к инициации и стала приобретать черты школы грамотности.

³ На этот нюанс перевода названия этой социальной группы обратили внимание А.И. Осмачко, А.Л. Сергеев и Д.В. Конончук. В переводе четвертой главы *Луньюя* они заметили, что «устаревшее русское слово “служилый”, которым обычно переводят понятие *ши* (士), не передает пафоса служения, который связан с этим понятием у Конфуция. Русское слово “служащий” также для этого не подходит, будучи нагружено другими смысловыми оттенками. Поэтому здесь и далее мы предлагаем новый термин — “человек службы” или “тот, кто служит”» [9] (см. с. 50). Этой социальной группе посвящено значительное число работ; выделим следующие: [10–14].

⁴ Определение этого понятия [8].

⁵ Под словом «массовый» мы подразумеваем не количественный аспект (хотя и его надо иметь в виду), а широту социального охвата и большую ее доступность по сравнению с предыдущими школами: учениками школы были, как известно, также представители общинной бедноты из Лу (например, Янь Ю 顏由 и Янь Хуй 顏回), представитель элиты царства Вэй: Дуаньму Цы 端木賜 (520–456) и др. Тема социального состава школы, безусловно, заслуживает отдельного исследования.

⁶ В отечественной исторической науке эффективность сочетания методов социальной и культурной антропологии была показана в работах А.Я. Гуревича, прежде всего это работы «Категории средневековой культуры» и «Средневековый мир: культуры безмолвствующего большинства». Заслуга автора — в преодолении присущих современной ему отечественной историографии «барьеров, отделявших культурное от социального» [16] (см. с. 6).

⁷ Проблема определения даты рождения Конфуция (28 сентября 551 г. до н. э. или 3 октября 552 г. до н. э.) описана в статье Д.В. Конончука [17]. Эта же дата, 552 г. до н. э., принята и в ряде работ современных китайских конфуциановедов [18] (см. с. 1).

Кун-цзы — первая персона в китайской историографической традиции, чья жизнь и общественная деятельность описаны сравнительно подробно. Сама возможность изучать данную тему и обусловлена тем, что появление фигуры такого масштаба привело к сохранению таких сведений, которые в источниках об этой эпохе обычно опускались.

Ниже рассмотрим первый этап в истории такой школы — этап ее «возникновения». Мы не стремимся к тому, чтобы исчерпывающе осветить означенную проблему. Наша цель в том, чтобы, говоря словами А.Я. Гуревича, «*набросать более или менее в общих чертах некий "идеальный тип" изучаемого явления*» [16] (см. с. 7).

Об историографии

Жизни Конфуция и его учению в историографии посвящено необозримое число работ. Это вполне естественно, поскольку он — одна из центральных фигур всей китайской культурной традиции. В научной литературе в основном принято говорить о содержании (идеях) учения Конфуция и его вкладе в культуру. Чаще всего он предстает как мудрый Учитель и глубокий мыслитель. В отечественной историографии это особенно характерно для работ Л.С. Переломова. Уместно напомнить, что такой подход затеняет видение Конфуция как исторической фигуры⁸.

Много внимания уделено и *Луньюю* — собранию его высказываний. На русском языке сведения о жизни и деятельности Конфуция можно найти в многочисленных работах отечественных китаеведов: В.А. Рубина, А.С. Мартынова, В.В. Малявина, Л.С. Васильева, А.А. Маслова и др.; ему посвящены разделы в общих работах по истории философской мысли Древнего Китая; о нем говорится в разделах энциклопедии «Духовная культура Китая», написанных А.И. Кобзевым и др.⁹ Наиболее подробно биография Конфуция на русском языке изложена в монографиях Л.С. Переломова и В.В. Малявина

[20–23]¹⁰. Литературные аспекты его высказываний были рассмотрены И.И. Семененко [15].

Что касается понятия «школа», то в отечественном китаеведении оно упоминается довольно часто, но в ином значении — не как социальный институт, а как направление общественной мысли: конфуцианская, даосская школа и т.п. Это предполагает перечисление названий школ и описание общей направленности их учений¹¹. О «школе» же как о месте обучения и как об образовательном учреждении говорится редко¹². Исключением является одна из статей Л.Д. Позднеевой (1908–1974), в которой была высказана мысль о школах в Древнем Китае¹³.

Важнейшие вопросы, которые касаются развития культурной ситуации в конце периода Чуньцю и на протяжении периода Чжаньго (453–221 гг. до н. э.), в том числе формирования книжной культуры, затронуты в работах Г.А. Ткаченко [24] и К.В. Васильева [25–28]. В них охарактеризована интеллектуальная продукция выпускников таких школ, но не сама школа.

Большое значение имеют работы китайских авторов, в которых собраны и упорядочены события жизни Конфуция. К числу наиболее подробных биографий на китайском языке относятся монографии Куан Я-мина *Кун-цзы пинчжуань 孔子评传* («Жизнеописание Конфуция») [29] и Хэ Синя *Кун-цзы няньлу 孔子年谱* («Хроника [жизни] Конфуция») [30]. Естественно, данная тематика интенсивно разрабатывается и в современной западной историографии¹⁴.

Об источниках и критике текста

Важнейшим источником, рассказывающим о жизни Кун-цзы и в котором есть данные о возникновении новой школы, является сохранившаяся в *Шицзи* («Исторические записки») Сыма Цяня (145–86? гг. до н. э.) биография Конфуция: *Кун-цзы шицзя* («Наследственный дом Конфуция»), глава 47¹⁵. Некоторые сведения можно также

⁸ Именно с этой мысли начинается классическая статья Г. Дабса [19] (см. с. 273).

⁹ Общий список работ отечественных авторов указан в «Библиографии Китая», составленной В.П. Журавлевой, см. [31] (с. 168–180).

¹⁰ Книга В.В. Малявина, написанная для серии «Жизнь замечательных людей», является восторженным панегириком Конфуцию [23]. Жизнь Конфуция, его идеи и их место в китайской культурной традиции описаны А.А. Масловым [32–33].

¹¹ Например, в монографии Ф.С. Быкова этому посвящена глава «К вопросу о древнекитайских философских школах» [34] (см. с. 71–90).

¹² В монографии Л.С. Васильева высказано такое мнение: «Конфуций справедливо считается первым в Китае учителем, имевшим школу из набранных им самим учеников... Эта школа, давшая еще при жизни Конфуция несколько видных администраторов в ряде чжоуских царств, была едва ли не важнейшим вкладом в реализацию его идей» [35] (см., с. 57). В российской историографии истории китайской системы образования посвящена монография Н.Е. Боровской [36]. Недавно вышла обзорная работа В.В. Малявина, в которой говорится об общих идеях китайского образования, но без привязки к конкретной эпохе и конкретным школам [37]. О школе Конфуция не упомянуто ни в крупнейшем сборнике статей западных авторов последних лет об этом мыслителе [19], ни в основательной монографии Томаса Ли 2000 г. [38].

¹³ О философских школах периода Чжаньго см. [38] (с. 22–26), [39].

¹⁴ В 2018 г. под редакцией М. Керна и М. Хантера был издан сборник «Confucius and the Analects Revisited». Он в значительной степени посвящен исследованию текста самого памятника, времени его появления и авторства. Вопросы биографии Конфуция, тем более истории возникновения его школы, не затронуты. Общая идеология сборника: уточнения, к какой эпохе относятся сведения о самом Конфуции и когда мог быть создан *Луньюй*. С точки зрения темы настоящей работы интересна статья П. Голдина «Confucius and His Disciples in the Lunyu: The Basis for the Traditional View» [11]. Сохраняется научная значимость работы Гомера Дабса 1946 г., посвященной исследованию участия Конфуция в политической борьбе [19].

¹⁵ Дополнительные сведения содержатся в гл. 67 *Шицзи*, в которой изложены данные о его учениках. Ее перевод также был выполнен Р.В. Вяткиным [40] (с. 126–151), [41] (с. 66–84). Биографию Конфуция из *Шицзи*, кроме Р.В. Вяткина, также перевел И.И. Семененко [42] (с. 19–50).

найти в главе 67, которая посвящена его ученикам, *Чжун Ни дицзы лечжуань* («Жизнеописания учеников Чжун Ни»), и в главе 121 *Жулинь лечжуань* («Жизнеописания конфуцианцев»).

Исследование исторических аспектов биографии Кун-цзы на основе сообщений *Шицзи* играет исключительно важную роль при рассмотрении политических и социальных процессов второй половины периода Чуньцю. В его биографии сохранились сведения о социальных процессах и культурных явлениях, на основании которых и можно судить об этапах формирования новой школы. Хотя о ней самой напрямую говорится редко, но ее контуры проступают всякий раз, когда речь заходит о преподавательской и политической деятельности Кун-цзы. Все это придает данным упомянутого раздела *Шицзи* большую значимость.

Рассматривая сообщения главы 47 *Шицзи*, будем учитывать, что подбор сведений в главах биографического раздела (*лечжуань*) зачастую был обусловлен стремлением описать действия людей в необычных обстоятельствах и показать те модели поведения, которые противоречили привычным и общепринятым нормам¹⁶. Автор стремился изложить в систематизированном виде сведения о жизни и деятельности Кун-цзы, который, судя по содержанию, интересовал его как историческая персона поворотной эпохи, чья деятельность привела к созданию исторически исключительно перспективного учения и важнейшей социальной группы, для которой оно стало основной идеологией.

С текстологической точки зрения можно отметить, что в этой главе отсутствует материал, носящий легендарный характер¹⁷. Все основные события его жизни за редким исключением излагаются в хронологической последовательности.

В тексте этой главы можно выделить три пласта.

1. «**Исторический**» (летописный) — он предполагает описание жизни Кун-цзы на фоне исторических событий в царстве Лу, с учетом борьбы кланов за высшую власть в нем. Для него характерно внимание к хронологии, стремление привязать события его жизни к конкретным датам (по годам правлений луских *гунов*).

2. «**Агиографический**» (житийный). Формирование в западно-ханьское время культа Конфуция ставило задачу составления его «жития». Но глава в труде Сыма Цяня, посвященная жизнеописанию Конфуция, не является агиографической в чистом виде. Это именно жизнеописание исторического деятеля с элементами агиографии. В тексте встречаются признаки, присущие

агиографической литературе: путь героя к подвигу и его подвиг, знамения, благочестие родителей, ярко выражен исторический фон¹⁸. Ярчайшим примером этого пласта является упоминание о «раннем благочестии» героя — игра в детстве с жертвенными сосудами: «*В детском возрасте... он обычно расставлял жертвенные сосуды, представляя церемонию принесения жертв*»¹⁹. В таких фрагментах время как правило не конкретизируется.

3. «**Каноноведческий**» — сведения о событиях, которые восходят к упоминаниям об обстоятельствах его жизни как создателя конкретного учения и определившего состав основополагающих сочинений, впоследствии включенных в канон. В них некоторые события жизни Кун-цзы конструировались на основе его высказываний. Этот же принцип использован в *Шицзи* и в биографиях его учеников. Эта часть событий, как правило, не поддается датированию, поэтому в биографии они помещены без указания дат или точной привязки к возрасту Кун-цзы. Они могут приблизительно соответствовать дате, которая указана выше, в «историческом» пласте текста. Места стыковок этих трех пластов в тексте биографии, как правило, вполне очевидны.

* * *

Важной частью культурного процесса в царстве Лу, а затем и во всей Восточной Азии массовая школа стала не сразу.

I. О политическом и социальном процессах в царстве Лу

Основные особенности политического процесса в царстве Лу

С начала периода Чуньцю в крупных царствах северной части Восточной Азии (в бассейне Хуанхэ) основными участниками политического процесса были монархи, а также представители наиболее знатных и влиятельных родов из числа родственников династии по мужской линии, чьими родоначальниками являлись младшие сыновья правивших ранее *гунов* (государей царства). Члены этих родов в зависимости от старшинства занимали различные высокие посты в управлении государством и армией. Главы одного из таких родов зачастую становились соправителями монарха (как глава рода Чжао 趙 в царстве Цзинь).

Во второй половине периода Чуньцю в крупных царствах бассейна Хуанхэ, если в ходе борьбы верх одерживали монархи, то они стремились к тому, чтобы изгнать

¹⁶ Эта мысль многократно высказывалась в лекциях по истории древнекитайской литературы Л.Е. Померанцевой (1938–2018), которые читались ею в ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹⁷ По-видимому, исключением является предание, которое рассказывает о встрече Кун-цзы в столице чжоуского домена Ло-и с даосским мыслителем Лао-цзы.

¹⁸ Фундаментальное исследование агиографии [43].

¹⁹ Здесь и далее мы приводим перевод Р.В. Вяткина, в случае необходимости несколько отредактировав его [40] (см. с. 126).

или уничтожить верхушку кланов, а их земли присоединить к государственным. Если побеждал один из кланов, то ему требовалось поддерживать управление на государственных землях и на землях побежденных родов, которые включались в состав владения победителя²⁰.

Так в царстве Лу с начала периода Чуньцю между дворами и знатными родами велась ожесточенная политическая борьба [44] (см. с. 814–818). Начиная с правления Си-гуна 僖公 (659–627 гг. до н. э.) двор начал утрачивать доминирующее положение. При жизни Кун-цзы политический процесс был окрашен конфликтом между слабым царским двором и тремя наиболее влиятельными кланами: Мэнсунь 孟孙, Шусунь 叔孙, Цзисунь 季孙. Поскольку они брали свое начало от сыновей луского государя Хуань-гуна 桓公 (711–694 гг. до н. э.), то их также называли *саньхуань* 三桓 («три [рода потомков] Хуань-гуна»)». Главы этих трех кланов, занимая лидирующее положение в политическом процессе и экономической жизни царства, все более усиливали контроль над лускими монархами и их двором.

Таким образом, для высшей власти в управлении опора только на представителей высшей знати утрачивала свою эффективность. А главы наиболее влиятельных кланов, стремясь либо к высшей власти, либо к усилению влияния на нее, были вынуждены устраивать свои дворы и одновременно создавать аппарат управления на подконтрольных им землях. И поскольку потребность в нем росла, то на службе сначала стали появляться политические мигранты из других царств, а затем и представители менее знатных и незнатных слоев населения своего царства²².

О социальном положении семьи Кун-цзы и социальных процессах в царстве Лу в первой половине VI в. до н. э.

Для понимания особенностей жизненного пути Кун-цзы важно учитывать его социальный статус: он был исключительно родовит, но не очень знатен и не очень богат. По отцовской линии он принадлежал к одному из влиятельных кланов (Кун) царства Сун, который представлял собой одно из ответвлений правившей там династии

Цзы 子 — потомков монархов государства Шан-Инь (ок. 1300–1027 гг. до н. э.). Его прямым предком (в 10-м поколении) был Фу Фу-хэ, старший сын сунского Минь-гуна 湣公 (IX в. до н. э.), который уступил престол своему брату.

Широкую известность получил его предок в 7-м поколении, живший в VIII в. до н. э., выдающийся политический деятель царства Сун Чжэн Као-фу 正考父, который служил при Дай-гуне (799–766), У-гуне (765–748) и Сюань-гуне (747–729)²³. Однако уже его сын Чжэн Као-фу по имени Кун Фу-си 孔父嘉 (765–710 до н. э.), занимавший должность *дасыма* 大司馬 (главнокомандующего), ввязался в политическую борьбу и погиб в ходе нее. Поэтому его сын Му Цзиньфу 木金父 был вынужден покинуть Сун и бежать в Лу, где у него родился сын Ци Фу 祁父, ставший основоположником луской ветви рода Кун.

Таким образом, предки Кун-цзы, дабы избежать уничтожения в ходе политической борьбы на родине, нашли прибежище в соседнем Лу. В *Шицзи* (гл. 47) сказано: «Его (Кун-цзы. — М.У.) предок был сунцем по имени Кун Фаншу 防叔 (сын Ци Фу). У Фаншу родился Бо Ся 伯夏, у Бо Ся родился Шулян Хэ 叔梁纥 (отец Кун-цзы)» [40] (см. с. 126).

Оказавшись в Лу, дед и отец Кун-цзы были вовлечены в политическую борьбу, но уже на ином, не династическом уровне. Ведь, несмотря на родовитость, проживая в царстве Лу, они были вынуждены служить, занимая невысокие посты, например, отец некоторое время был волостным начальником. Иными словами, как минимум три поколения рода Кун (дед, отец и сам Кун-цзы) являлись представителями «служившего сословия», при этом первые были изначально военными и только Кун-цзы — гражданским служащим. И хотя по своей родовитости его дед и отец превосходили глав кланов, в реальности это мало что значило, поскольку эта родовитость не была подкреплена ни богатством, ни статусом — в Лу они занимали невысокие должности. Но при этом их родословная позволяла ему быть клиентом главы какого-либо клана.

Все эти сообщения позволяют сделать ряд наблюдений над **социальными процессами**. Перемещение предков Конфуция из Сун в Лу датируется ок. 607 г. до н. э. [46] (см. с. 27). Соответственно, начало процесса

²⁰ Данные об этом часто встречаются в главе 39 *Цзинь ши цзя* («Наследственный дом [царства] Цзинь») «Исторических записок» [45] (см. с. 139–181).

²¹ Эти кланы — боковые ветви правящего в Лу рода потомков Чжоу-гуна (брата и ближайшего сподвижника первого государя Западного Чжоу (1027–771 гг. до н. э.) У-вана). Мэнсунь — потомки Цин-фу 慶父, второго сына Хуань-гуна, который в 660 г. до н. э. после убийства Минь-гуна бежал в царство Цзюй. Шусунь — потомки Шу Я 叔牙, третьего сына Хуань-гуна, который в 662 г. до н. э. покончил с собой из-за интриги, сопровождавшей передачу власти в Лу. Цзисунь — потомки Ци Ю 季友, четвертого сына Хуань-гуна, который в 662 г. до н. э. по указу гуна передал яд брату Шу Я, а затем бежал в царство Чэнь, но позднее вернулся, умер своей смертью в 644 г. до н. э. У каждого клана было свое владение (у Цзисунь — с центром в Би 費, у Мэнсунь — в Чэн 成, у Шусунь — в Хоу 郈). Владение Би находилось на юго-востоке царства, а Чэн и Хоу — на северо-западе, недалеко от границ царства Ци.

²² При более детальном историческом исследовании следует учитывать, что у представителя клиентелы был минимум свободы социальных действий, поскольку они так или иначе совершались по принуждению или в силу неких обстоятельств, которые заставляли действовать определенным образом. Способы перехода от одного патрона к другому — вопрос, требующий отдельного исследования.

²³ При рассмотрении биографии Кун-цзы как создателя школы нельзя не обратить внимание на то, что этому его предку приписывается получение от некоего чжоуского жреца-историографа «Шанских од», которые составят последний раздел «Книги стихов» (*Шицзин*) [45] (см. с. 266, 269). То есть его предки причастны к сохранению этой части ставших каноническими произведений.

формирования сословия «служивших» в Лу может относиться к рубежу VII–VI вв. до н. э. Обобщая эти приведенные сведения, можно заметить, что на раннем этапе этого социального процесса в Лу данное сословие формировалось из представителей родовитых, но утративших свой высокий статус родов, включая и прибывших из соседних царств политических иммигрантов²⁴. Покинув родину, в чужом царстве они утрачивали высокий статус и назначались на разные, в том числе и низкие, должности. Причем не только на службе монарха, но и в кланах родственников царского дома (это зависело от соотношения политических сил).

На должность их назначал патрон. «Служившие» вовлекались в политическую борьбу на стороне своего покровителя, поэтому в случае, если подходящей должности не было, они служили ему мечом, отсюда более раннее значение понятия *ши* 士 (воин, военный). Но в новых условиях (рост влияния аристократических кланов и увеличение их владений) они, как отец Кун-цзы, все более были востребованы в сфере управления, например, небольшими территориальными единицами и др.

Занимая различные должности в аппарате управления, «люди службы», как и раньше, назывались *ши* 士, но теперь это понятие стало подразумевать «служивших». Постепенно в системе управления они начинали играть все более значимую роль, составляя конкуренцию представителям высшей (*шанцин* 上卿) и средней (*дафу* 大夫) родовой знати, которые в первой половине периода Чуньцю занимали высшие должности, многие из которых, в том числе в армии, передавались по наследству.

Но таких служащих было недостаточно. Спрос на них ширился. Поскольку «дворцовая» школа была предназначена для обучения высших слоев аристократии царства, и число учащихся в «дворцовой» школе было ограничено, то встал вопрос об их обучении. Но для этого должна была появиться новая школа. И она в определенных исторических обстоятельствах возникла благодаря деятельности Кун-цзы.

II. О культурном процессе: этапы биографии Кун-цзы и становление «массовой» школы в царстве Лу

Следует упомянуть, что в детстве Кун-цзы, учитывая положение его отца, не мог обучаться в «дворцовой» школе, но можно допустить, что он получил домашнее образование или даже обучался вместе с отпрысками главы того клана, который был патроном его семьи (клан

Мэн), по программе такой школы. А упомянутый в его биографии мотив «раннего благочестия», как и мотив «благочестия родителей» (матери), позволяет допустить возможность его обучения и в «храмовой» среде. Неслучайно в течение всей жизни он находил общий язык с представителями жречества — именно у жрецов-музыкантов он обучался исполнению ритуальной музыки, кроме того, он был хорошо знаком с ритуальными и мантическими письменными произведениями.

1. 535–526 гг. до н. э. Возникновение школы при аристократическом клане

Кун-цзы начал преподавать в 535 г. (17 лет) после того как лишился матери²⁵. Тогда в Лу правил Чжао-гун (541–510 гг. до н. э.). Ситуация в царстве и при дворе была сравнительно стабильной. Его первым учеником стал сын главы наиболее влиятельного на то время в Лу клана Мэн по имени Мэн И-цзы. Это позволяет предполагать, что семья Кун в то время находилась под патронажем главы именно этого клана.

Этот влиятельный аристократ пожелал дать своему сыну домашнее образование, обучив по модели дворцовой школы, так, чтобы его преподавателем стал человек родовитый, имевший знания, характерные для храмовой и дворцовой среды, но не принадлежавший ни к той, ни к другой. Кун-цзы в 17 лет вполне отвечал этим требованиям. Решение о домашнем обучении сына могло быть принято в условиях усиления противоречий между кланом Мэн и двором. В такой ситуации пребывание его наследника в «дворцовой» школе было нежелательным, поскольку делало его заложником двора. Обучение сына главы одного из трех влиятельных кланов укрепило положение Кун-цзы и дало ему опыт преподавания.

В том же году умер глава клана Ци по имени Ци У-цзы. Ему на смену пришел Ци Пин-цзы, человек амбициозный и решительный, претендующий на доминирование во всем царстве. Ему удалось потеснить клан Мэн. Вскоре новый глава клана Ци привлек Кун-цзы к себе на службу. Это показывает, что тот как представитель служилого сословия не был накрепко привязан к своему патрону — имелась возможность перейти на службу в другой клан.

В 533 г. (19 лет) Кун-цзы был взят на службу к главе доминирующего клана Ци, но уже не учителем, а мелким служащим, который сначала занимался учетом зерна, затем следил за ростом поголовья скота.

В *Шицзи* (глава 47) сообщается:

«Кун-цзы [в юности] был беден и занимал низкое положение²⁶. Повзрослев. Когда стал мелким

²⁴ Это подтверждается и археологически, поскольку выходцы из иных царств погребались по ритуалу, принятому в их родном царстве, см. [30] (с. 85–93), [29] (с. 36).

²⁵ Возраст Кун-цзы указывается по: [49].

²⁶ Возможно, первое предложение написано с учетом высказывания из трактата *Мэн-цзы*, в котором сказано: «Служат не из бедности...» 仕非為貧也 [47] (см. с. 605).

служащим в клане Цзи²⁷, [зерно] стало отмеряться соразмерно, а когда стал главой низших чиновников, скот стал плодиться и умножаться» [48] (см. с. 1909). 孔子貧且賤。及長，嘗為季氏史，料量平；嘗為司職吏而畜蕃息。

Такая смена специализации не удивляет — главе клана тогда пока еще не нужна была своя школа, а грамотного служилого молодого возраста можно было использовать на разных низких должностях, в данном случае сельского учетчика.

Тогда же в 19 лет Конфуций женился на девушке из семьи Ци 元, выходцев из того же царства Сун, по имени Ци Гуань 元官 (?–485 г. до н. э.). Это сообщение свидетельствует о том, что браки независимо от срока проживания в чужом царстве заключались между земляками, выходцами из одного царства. Согласно преданию, когда в следующем 532 г. до н. э. супруга родила сына, луский государь Чжао-гун пожаловал молодой семье карпа — Кун-цзы был на виду у двора. Однако этот дар едва ли был обусловлен его личными качествами (они вряд ли успели проявиться). Вероятнее всего, это было связано с вниманием к нему как к родственнику правящей в соседнем царстве Сун династии Цзы, чьи предки правили в царстве Шан-Инь (ок. 1300–1027 г. до н. э.). Важно заметить, что в то время Конфуций жил среди простонародья на окраине столицы, в Цюэли 闕里 (сейчас на территории г. Цюйфу), соприкасался вплотную с «общинной» средой.

Через три года, в 529 г. (23 года), произошло ключевое событие. Судя по всему, в этом году Кун-цзы начал преподавать именно в «общинной» школе²⁸. В *Кунцзы цзя юй* (гл. 72. Дицзы цзе 弟子解) перечислены ученики Конфуция того времени. Тогда же у него начали учиться Янь Ю 顏由, Цзэн Дянь 曾点, Жань Гэн 冉耕 [49] (см. с. 17). Все они были бедны и являлись выходцами из простонародья, то есть были представителями именно «общинной» среды [2] (см. с. 66).

Известно, что в том же году Пин-цзы, глава клана Цзи, замыслил захват высшей власти [49] (см. с. 16–17). Соответственно, уже тогда или несколько ранее возник вопрос о расширении числа лояльных клану служилых, которые могут быть задействованы в системе управления новой власти, сменив хотя бы часть старых управленцев.

В этих условиях фигура Кун-цзы, который являлся его клиентом, и его небольшая школа с первыми учениками, могла привлечь внимание главы клана. Можно предположить, что через некоторое время она перешла под его патронаж. То есть глава клана воспользовался уже возникшей образовательной структурой. Кун-цзы, у которого

уже был опыт и преподавания, и чиновничьей службы, вполне подходил для того чтобы возглавить новую школу при главе клана. В новых условиях перед ней были поставлены новые задачи, ей был придан иной, более высокий статус и масштаб. Так и произошло, некоторые ее выпускники попадали к нему на службу. Об этом свидетельствует упоминание в главе 67 «Биографии учеников Конфуция» *Шицзи* о том, что несколько позднее в этом клане служили такие известные выпускники, как Цзы-Ю 子有 и Цзы-Лу 子路 [41] (см. с. 67).

Так в ходе противостояния клана Цзи с монархом произошло важное культурное явление: возникновение новой школы. При дворе главы клана в полном объеме воспроизвести дворцовую школу было невозможно, но этого и не требовалось, поскольку нужна была иная школа — не элитная, а массовая, ставившая прагматичную задачу подготовки подчинявшихся главе клана квалифицированных служащих, которым можно было поручать задачи управления.

2. 525–518 гг. до н. э. Перемещение школы ко двору

Прошло четыре года. Ситуация изменилась, власть луского *гуна* усилилась. А главе клана Цзи на время пришлось отказаться от своих планов по захвату власти — исход политической борьбы складывался не в его пользу. Произошли изменения и в жизни Кун-цзы — его школа переместилась к царскому двору.

В 525 г. (27 лет) в Лу приехал государь небольшого шаньдунского царства Тань 鄰. Кун-цзы был удостоен беседы с ним. Эта встреча — аргумент в пользу того, что к этому времени сам Кун-цзы, а значит, и его школа были связаны с царским двором. Встреча могла быть вызвана тем, что опыт создания «массовой» школы был интересен государям других царств, которые, находясь в ситуации постоянного противостояния с кланами родственников, также испытывали потребность в создании новой опоры своей власти за счет служилого сословия.

В 523 г. (29 лет) Кун-цзы оставался при дворе монарха. Его положение укрепилось. Там возникли благоприятные условия для его развития как преподавателя «массовой» школы. Он не только знакомился с порядками двора, религиозными и придворными церемониями, но мог больше узнать о содержании обучения в «дворцовой» школе, а также получить доступ к хранилищу книг и документов.

Там же он мог сблизиться с представителями жреческой среды, носителями знаний о мироздании и теми, кто составлял и хранил важнейшие письменные произведения.

²⁷ В оригинале иероглиф *ши* 史 с иными значениями. Однако в комментарии *со-инь* к *Шицзи* сообщается, что «в некоторых версиях на этом месте записано слово *вэйли* 委吏 (хранитель складов зерна)». То есть вместо *ши* 史 здесь мог стоять близкий по написанию иероглиф *ли* 吏 (мелкий служащий, низший чиновник). Об это говорится в тексте *Мэн-цзы* (гл. *Вань Чжан*, 2): «Конфуций, [когда] был хранителем хлебных припасов, говорил: “Только веду в точности учет”» 孔子嘗為委吏矣，曰：會計當而已矣 (пер. И.И. Семененко) [47] (см. с. 605).

²⁸ Подробный анализ источников, подкрепляющих данное сообщение, приведен в монографии Хэ Синя [18] (см. с. 16–17).

Поскольку двор и столичный храмовый комплекс представляли собой единое целое, то именно при дворе появлялись возможности для общения с ними. С этого времени в биографии Кун-цзы все чаще упоминались жрецы группы *ши* 師 — слепые музыканты, которые более других были доступны для общения, поскольку выполняли свои служебные обязанности сразу в двух сферах: храмовой и дворцовой. В храмовой среде исполняли мелодии, сопровождавшие религиозные церемонии, а в дворцовой — участвовали в отправлении придворных ритуалов²⁹. Согласно *Хуайнань-цзы* (гл. 9), он учился у жреца-музыканта Сяна 師襄 исполнению музыкального произведения, которое сопровождало важнейшие религиозные и светские церемонии:

«Кун-цзы, обучаясь игре на *цине* у жреца-музыканта Сяна, постиг устремления [чжоуского] Вэнь-вана. Наблюдая малое, постигал мудрость [Вэнь-вана]» [50] (см. с. 122). 孔子學鼓琴於師襄，而論文王之志，見微以知明矣³⁰.

Через год, в 522 г. (30 лет), в Лу прибыл монарх еще одного соседнего царства, на этот раз более крупного, чем Тань, царства Ци, — Цзин-гун (547–490 до н. э.)³¹. В Ци складывалась ситуация, похожая на ситуацию в Лу, там также в условиях конфликта двора и высшей знати возникала необходимость в новом слое служилых. Согласно главе 32 *Шицзи*, в которой говорится об истории этого царства, он прибыл, чтобы расспросить про церемонии (*ли*) [45] (см. с. 78). И как уточняется в главе 47 («Наследственный дом Конфуция»), пожелал встретиться с Кун-цзы. Но едва ли именно церемонии как таковые интересовали монарха Ци. Кун-цзы не так давно попал ко двору и вряд ли мог постичь суть всех дворцовых и храмовых церемоний. К тому же при циском и луском дворах были свои знатоки церемоний: старшие жрецы *чжу* 祝, историографы *даши* 大史 и др. Действительно, циский государь спросил Кун-цзы не о церемониях, а об управлении. Точнее, о том, почему царство Цинь при Му-гуне (659–621 до н. э.) стало столь сильным и могущественным. Возможно, подразумевая, почему его родное царство Ци, которое было первым гегемоном, ослабевало.

Кун-цзы изложил свою точку зрения, согласно которой, это произошло благодаря выдвигению Байли Си, которого Му-гун, по преданию, выкупил за пять бараньих шкур, но, проговорив с ним три дня напролет,

возвел его в ранг *дафу* и поручил ведать делами управления. Этим Кун-цзы утверждал, что способный и обученный человек мог стать эффективным помощником монарха в управлении государством³². Так было сформулировано кредо его самого и его школы, чьи ученики независимо от наследственной знатности получали возможность карьерного роста и занятия различных постов в государстве.

И эта встреча, и тема разговора являются аргументом в пользу того, что беседа происходила именно при царском дворе, и государь одного из сильнейших государств Восточной Азии, царства Ци, расспрашивая об «управлении» у создателя луской «массовой» школы, мог интересоваться опытом ее организации. Луская школа, уже накопив опыт, начала пополнять аппарат своими выпускниками и благодаря этому стала известна за пределами Лу.

Около 518 г. (34 года), уже имея изрядный опыт преподавания, Кун-цзы посетил город Ло-и, столицу чжоуского домена, сакральный центр всего мира *хуася*. Его цель заключалась в том, чтобы продолжить свою учебу. Согласно преданию, там он встретился с даосским мыслителем Лао Данем 老聃, которого отождествляют с Лао-цзы, создателем *Дао дэ цзина* — основополагающего даосского трактата³³. Судя по приведенным в *Шицзи* сведениям, Кун-цзы не смог найти с ним общий язык, слишком различными были их взгляды на мир. Общий язык он нашел с одним из высокопоставленных чиновников чжоуского домена Чан Хуном 萇弘, который в то время выполнял обязанности астролога (*тяньшу* 天數)³⁴. Кун-цзы обучался у Чан Хуна и астрологии, и музыке. Так, в *Лицзи* (гл. Юэ цзи «Записки о музыке»), в *Кун-цзы цзяюй*, в *Шицзи* (гл. 24 «Трактат о музыке») сообщается, что благодаря ему Кун-цзы узнал о мелодии У 武, в которой были выражены помыслы правившего после Вэнь-вана и захватившего столицу Шан-Инь, — У-вана, первого государя Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) [52] (см. с. 217–218).

Становятся ясны цели поездки Кун-цзы в столицу чжоуского домена: узнать о содержании старинных чжоуских церемоний.

На этом заканчивается второй этап складывания первой из известных массовых школ: создатель школы посетил сакральный и культовый центр своего времени, существенно обогатил свои знания. Но когда он вернулся, ситуация в Лу значительно изменилась.

²⁹ Подробно о *ши* 師 как жрецах-музыкантах говорится в нашей работе [51].

³⁰ Это сообщение в более развернутом виде содержится в *Кун-цзы цзяюй* 孔子家语 (гл. Бянь юэ цзе 辨乐解) и в *Шицзи*.

³¹ В главе 32 *Шицзи* «Наследственный дом циского Тай-гуна» уточняется, что циского гуна сопровождал военачальник Янь Ин — мыслитель, его наставления и суждения собраны в *Янь-цзы чуньцю* [45] (см. с. 58).

³² Эта же концепция неоднократно встречается в *Шицзи* (И Инь — советник и первый министр при первом шанском правителе Чэн Тане и др.).

³³ Жрецами-музыкантами Лу и астрологом из Чжоу Кун-цзы был принят, а даосом — нет. Это могло быть вызвано культурным различием *хуася* бассейна Хуанхэ и чусцев Средней Янцзы, элиты которых сосуществовали в общем пространстве чжоуской политической культуры, но склонялись различным божествам и сохраняли разные воззрения в сакральной сфере.

³⁴ По другой версии, на наш взгляд, менее вероятной, их встреча произошла в первые годы после бегства Кун-цзы из Лу, в 496 или в 495 г. до н. э.

3. 517–510 гг. до н. э. Начало усобицы в Лу, бегство Кун-цзы, продолжение его ученичества

Кун-цзы преподавал при луском дворе уже около 12 лет. Школа накопила опыт, выпустила несколько поколений учеников, продемонстрировала свою устойчивость и доказала свою необходимость.

В 517 г. (35 лет) в царстве Лу вновь разгорелась крупнейшая усобица. О ней говорится в главе 33 *Шицзи*. Сначала участниками конфликта были глава клана Цзи (Цзи Пин-цзы) и глава клана Шу. Затем на стороне клана Шу выступили члены наиболее влиятельного в прежнее время в Лу, старинного клана Цзан 藏, которые являлись потомками сына луского Сяо-гуна (795–769) по имени Цзан Си-бо 藏僖伯 (конец VIII в. до н. э.).

Цзи Пин-цзы, пытаясь потеснить членов рода Цзан, которые занимали тогда высшие должности в царстве Лу, захватил в плен нескольких его влиятельных членов. Но в этой ситуации главы кланов Цзан и Шу обратились к Чжао-гуну с предложением объединить усилия в борьбе против клана Цзи. Гун согласился, полагая, что это шанс ослабить кланы. Объединенное войско напало на Цзи Пин-цзы, но тот заключил альянс с главой клана Мэн и дал отпор. В результате, предав гуна, глава родственного им клана Шу перешел на их сторону. Это решило исход дела — армия гуна была разбита, двор, переоценив свои возможности, потерпел поражение, и луский монарх был вынужден бежать в царство Ци [45] (см. с. 79).

Показательно, что Кун-цзы должен был уехать за ним. Это еще один из аргументов в пользу того, что его школа была локализована при царском дворе и находилась под покровительством монарха. Очевидно, что Кун-цзы грозила опасность со стороны победившего клана Цзи, на службе у главы которого он находился ранее.

В царстве Ци Кун-цзы жил в доме циского сановника Гао Чжао-цзы 高昭子 (убит в 489 г. до н. э.) [45] (см. с. 60), [40] (см. с. 109, 128, 284). Иногда его приглашали ко двору циского монарха Цзин-гуна. В биографии сообщается о том, что в Ци Кун-цзы продолжал обучение музыке. Его наставником был старший жрец-музыкант (*тайши*) этого царства. Под его руководством Кун-цзы продолжил постигать смыслы религиозных музыкальных произведений. Благодаря ему Кун-цзы познакомился с мелодией *шао*, создание которой приписывалось бо-жеству Шуню, одному из трех идеальных государей мифической древности. Сообщается и о его радении в постижении этого: «Он три месяца не знал вкус мяса» [40] (см. с. 128) 與齊太師語樂，聞韶音，學之，三月不知肉味，齊人稱之。То есть соблюдал ритуальный пост.

Как видим, и за пределами своего царства, в изгнании, Кун-цзы продолжал перенимать жреческие знания. Ранее в Лу и в чжоуском домене он изучал мелодии,

создание которых приписывалось чжоуским монархам и культурным героям Вэнь-вану и У-вану, а в Ци — музыкальное произведение, которое приписывалось древнему бо-жеству, почитавшемуся в качестве создателя государственности *хуася*³⁵. Очевидно, что именно изучение музыки Кун-цзы считал условием глубокого понимания и церемоний, и тех письменных произведений, которые использовались в учебном процессе и которые он начнет перерабатывать в следующий период своей деятельности.

4. 510–502 гг. до н. э. Возвращение Кун-цзы, переход школы под опеку клана Цзи

Только через восемь лет, в 510 г. (42 года), Кун-цзы возвратился в Лу и продолжил преподавание. К тому времени уже произошла смена монарха. На место Чжао-гуна (541–510 гг. до н. э.) пришел Дин-гун (510–495 гг. до н. э.). Политическая ситуация изменилась, двор нового монарха достиг компромисса с кланом Цзи. Отношения двора и клана перешли в стадию мирного сосуществования, и глава клана Цзи, заняв лидирующее положение при дворе, вернул под свою опеку школу, которая так и не стала дворцовой в ее классическом виде.

По-видимому, с этого времени место пребывания школы (при дворе царя или аристократа) уже не было существенным. Стало ясно, что как институт государства школа Кун-цзы могла находиться и там и там. Она могла существовать при любом дворе: и главы наиболее влиятельного клана, и царя, поскольку оба они выступали в качестве основных «заказчиков» кадров служилых. Так проявился потенциал школы, который в значительной степени будет востребован в следующую историческую эпоху, Чжэнь: ее выпускники могли служить любому государю.

Прошло пять лет. Следующее событие пришлось на 505 г. (47 лет). Усиление влияния клана Цзи в Лу продолжалось. Политическая борьба в царстве развивалась таким образом, что в 505–502 гг. до н. э. глава этого клана вновь попытался оспорить высшую власть. В ситуации обострения конфликта школа оказалась в состоянии неопределенности. Тем не менее, оставаясь в Лу «островком стабильности», она притягивала к себе тех, кто стремился к знаниям и готов был строить служебную карьеру, опираясь на них.

Сам Кун-цзы в это время сосредоточился на составлении двух основополагающих сборников *Ши* и *Шу*, включавших стихотворные и прозаические произведения, которые лежали в основе преподавания в школе, а также на сочинениях: *Ли* («Церемонии») и *Юэ* («Музыка»).

В биографии Кун-цзы (глава 47) сказано:

«Вот почему Кун-цзы [в это время] не занимал должностей, отошел [от дел] и обратился к восстановлению “Песен-*ши*” и “Записей-*шу*”, “Церемоний-*ли*”

³⁵ Мелодии *У* и *Шао* в репертуаре Кун-цзы заняли центральное место, именно под них он исполнил все произведения из составленного им сборника *Ши*. В *Шицзи* (гл. 47) сказано: «Кун-цзы все триста пять произведений спел под аккомпанемент струнного инструмента, дабы доискаться гармоничного сочетания мелодий Шао и У с одами и гимнами» 三百五篇孔子皆弦歌之，以求合韶武雅頌之音 [48] (см. с. 1936).

и «Музыки-юэ». Учеников [у него] стало еще больше, [они] прибывали из дальних мест, [и среди них] не было [ни одного, кто] не получал бы [от него] знаний» [40] (см. с. 130). 故孔子不仕，退而脩詩書禮樂，弟子彌眾，至自遠方，莫不受業焉。

Как видим, к этому времени в школе при подготовке к службе представителей формирующей социальной группы возникла необходимость пересмотра подбора и содержания учебных произведений. Те, которые использовались в «дворцовой» школе, задачам новой школы отвечали не полностью [4] (см. с. 28–62).

Обучение в новой школе стало основываться не только и не столько на изучении документов дворцового делопроизводства, сколько на изучении письменных произведений из сборников *Ши* («Стихов») и «Записей [речей государей прошлого]» из состава *Шу* («Записей»). Изначально это могло быть вызвано приоритетами Кун-цзы. Например, стремлением вернуть в школу большее число произведений религиозного содержания и тем самым приблизить (вернуть?) школу к «храмовой» среде, оторвав ее от влияния «дворцовой» среды с ее испорченными нравами. Ведь значительное число включенных в них произведений использовалось при отправлении церемоний. Поэтому был произведен отбор, и в новые сборники были включены не все произведения, а те, которые соответствовали определенным идеям новой школы. Так в процессе выхода знаний и учености из недр «храмовой» среды происходило формирование философской мысли [53] (см. с. 11).

В источнике говорится о росте числа учеников и о том, что некоторые из них были выходцами из других царств. Видимо, глава клана Ци вновь приблизил и поддержал Кун-цзы — клану были нужны служащие, и теперь их происхождение и место рождения стали абсолютно несущественными.

5. 502–498 гг. до н. э. Возвращение школы ко двору, назначение Кун-цзы на высокие должности, поражение в политической борьбе

Но стабильность в Лу так и не установилась. Борьба продолжалась с переменным успехом.

В 502 г. (50 лет) клан Ци был разбит и на время утратил влияние. Царский двор вновь усиливался, а клан ослабевал. В этой ситуации Кун-цзы вновь был приближен ко двору луского государя — Дин-гуна.

В 501 г. (51 год) судьба Кун-цзы резко изменилась, он получил первое назначение, но не в столице, а в провинции. Он был поставлен на должность начальника (*цзай* 宰) небольшой административной единицы Чжунду 中都 (совр. уезд Вэньшань 汶上 пров. Шаньдун) на западе царства Лу. Но уже через год, в 500 г. (52 года), был привлечен ко двору и сразу поставлен на очень высокую должность: *сыкуна* 司空 (управителя общественных

работ), затем *да сыкоу* 大司寇 (главного судьи) и советника *гуна* [18] (см. с. 59).

Такой быстрый и ничем не подкрепленный карьерный взлет говорит о том, что назначения произошли едва ли благодаря особым административным дарованиям Кун-цзы. У него не было практического опыта управления на каком-либо высоком посту — в юности он был учетчиком скота, а затем в зрелом возрасте несколько месяцев управлял небольшой волостью. Такое возвышение, очевидно, имело политическую подоплеку. По-видимому, при дворе рассчитывали задействовать в управлении не только (и не столько) самого Кун-цзы, сколько выпускников его школы. Ведь после разгрома кланов двор для обеспечения управления царством нуждался в большом числе служивых. В этом же году, накануне получения высоких должностей в государстве, он принялся за изучение мантической по происхождению книги *И* 易 («Перемен») [18] (см. с. 53).

Назначение на высокий пост Кун-цзы могло означать стремление двора трудоустроить максимальное число его учеников. Кроме того, и сам Кун-цзы, наставник школы, не был связан родством с ведущими кланами, поэтому являлся компромиссной фигурой, приемлемой как для двора, так и для его оппонентов. Зная потенциал выпускников, он мог расставлять их на должности и руководить ими.

То, что Кун-цзы, выполняя административные задачи, продолжал руководить школой, придало ее развитию дополнительный импульс.

В этом году произошло два события.

1. Кун-цзы как ответственный за проведение встречи государей двух царств проявил чрезмерную жестокость. У одного из населенных пунктов произошла встреча циского и луского *гунов*. Кун-цзы сопровождал своего государя Дин-гуна. Согласно *Шицзи* (глава 32), на ней присутствовали музыканты из расположенной на востоке Шаньдуна области Лай 萊, где жили восточные *и*, носители иной культуры³⁶. Они исполнили свои национальные произведения. Очевидно, что несчастные музыканты, заведомо не-*хуася*, не по своей воле вышли выступать перед высокими гостями. Но Кун-цзы велел музыкантов казнить. Видимо, этим он стремился, подчеркнув важность чжоуского церемониала, побудить власти Ци строго и бескомпромиссно следовать ритуальным нормам.

2. Сыма Цянь в *Шицзи* (глава 130), ссылаясь на слова мыслителя Дун Чжуншу 董仲舒 (179–104), упомянул о том, что, заняв пост *сыкоу*, Кун-цзы начал работу над *Чуньцю* [49] (см. с. 59), [54] (см. с. 319). Так он пытался «прояснить суть государственных дел» [54] (см. с. 319).

Соответственно, начало работы над *Чуньцю* было определено его стремлением разобраться в сути политического процесса, и лишь после этого стало ясно, что произведение может стать учебным пособием в школе.

³⁶ Они, видимо, относились к исконному аустрическому (вероятно, аустронезийскому) населению тех мест.

Власть монарха усилилась. В 498 г. (54 года) Кун-цзы попытался скрыть укрепления в ставках трех кланов. Особое сопротивление оказал глава клана Мэн (к нему принадлежал первый патрон Кун-цзы). Но Кун-цзы потерпел поражение — бросив вызов главам кланов, он поставил под угрозу и свою жизнь, и жизнь *гуна*. Вновь (уже во второй раз) луский двор переоценил свои возможности.

Уход его со службы и отъезд были предreshены. Его действия на высоких постах затронули интересы многих влиятельных людей, а столь крупное поражение должно было настроить против него глав всех трех родов и лишить доверия двора, которому пришлось примириться с кланами. Стало ясно, что его самого и его школу использовали в очередном эпизоде политической борьбы, чтобы, призвав новых людей, решить старые проблемы. И хотя он едва ли действовал по личной инициативе, виновником поражения, очевидно, были объявлены именно он и, по-видимому, члены его «команды» из числа выпускников школы.

6. 697–484 гг. до н. э. Бегство из Лу, сохранение школы; ее разделение на «чиновничью» и «философскую»

В следующем 497 г. (55 лет) Кун-цзы пришлось уехать из Лу. Его провожал слепой жрец-музыкант *ши* И 師己 — вновь в один из ключевых моментов биографии Кун-цзы упоминается жрец этой группы. Это еще одно свидетельство в пользу того, что все годы пребывания при дворе Кун-цзы, как и ранее, поддерживал отношения с представителями жречества.

К началу V в. до н. э. школа при дворе *гуна* царства Лу стала действующим государственным учреждением, и ее работа не зависела от пребывания Кун-цзы в царстве. Она была востребована и функционировала без своего создателя. Школа не закрылась, а продолжала действовать, в ней продолжали преподавать ее выпускники.

Вместе с Кун-цзы уехали те, кто не мыслил жизни без наставника, и те, кому было опасно оставаться. Видимо, тогда и произошло сложное культурное явление — школа оказалась разделена на две составляющие: в Лу она продолжала действовать как «чиновничья» школа, а в изгнании формировалась школа «философская».

В течение 497–484 гг. продолжались переезды Кун-цзы между царствами Вэй, Цзинь, Цао, Сун, Чэнь, Цай, Чу. В 494 г. до н.э., когда в Лу произошла смена правлений и на престол вззошел Ай-гун (494–468 до н.э.), о Кун-цзы никто не вспомнил, он не был возвращен.

По сообщению *Шицзи*, в 491–489 гг. до н.э., когда Кун-цзы находился в царствах Чэнь и Цай, им была завершена значительная часть работы по составлению *Чуньцю* [6] (см. с. 320). В главе 130 дается следующая характеристика этого памятника:

«Текст *Чуньцю* содержит несколько десятков тысяч [иероглифов], а идей — несколько тысяч. Рассеивание и слияние всего сущего представлены в *Чуньцю*.

В *Чуньцю* есть записи о тридцати шести случаях убийства государей, пятидесяти двух случаях гибели государств, и неисчислимо число примеров, когда государи царств (*чжухоу*) бежали [из своих владений] и не могли сохранить алтари Земли и Злаков. Если вникнуть в причины [происходившего], то [окажется, что] во всех случаях были утрачены основы [управления] и только» [54] (см. с. 322). 春秋文成數萬，其指數千。萬物之散聚皆在春秋。春秋之中，弑君三十六，亡國五十二，諸侯奔走不得保其社稷者不可勝數。察其所以，皆失其本已。

В странствии, работая над этим произведением, он продолжал размышлять о сути политической истории, в том числе о причинах утраты власти монархами, а также о зигзагах судьбы политических деятелей, в число которых вошел и он сам.

7. 484–479 гг. до н. э. Возвращение в Лу. Завершение формирования «массовой» школы как двуединой — «чиновничьей» и «философской». Создание корпуса учебных текстов

Кун-цзы вернулся на родину только через десять лет, в 484 г. до н.э. Он был уже пожилым человеком (68 лет) и больше официальных должностей не занимал. Все время уделяя школе, которая, очевидно, оставалась под патронажем дворца, он продолжал упорядочивать основополагающие учебные произведения. В *Шицзи* (глава 47) при упоминании событий этого года записано:

«Во времена Кун-цзы [власть] дома Чжоу ослабевала, церемонии и музыка выходили из обихода; а «Стихи-ши» и «Записи-шу» бытовали в неполном виде. [Кун-цзы начал] разыскивать следы церемоний (*ли*) трех эпох (Ся, Шан, Чжоу. — *М.У.*); стал приводить в порядок повествования «Записей-шу», начиная со времен Тана и Юя (Яо и Шуня. — *М.У.*) и до циньского Му-гуна (659–621 гг. до н. э.), располагая по порядку упомянутые в них события». 孔子之時，周室微而禮樂廢，詩書缺。追跡三代之禮，序書傳，上紀唐虞之際，下至秦繆，編次其事。

К тому времени в Лу установилось относительное равновесие политических сил, но царская власть постепенно ослабевала.

В сообщении о 481 г. до н.э. (ему 71 год) упоминается о завершении работы над всеми письменными произведениями. Основное внимание было уделено осмыслению протекания политической борьбы и ее закономерностей — для этого Кун-цзы осуществил некую обработку хроники царства Лу *Чуньцю*, в которой отражены результаты такой систематизации сведений о прошлом, размышления над которой позволяли осмысливать закономерности политического процесса (и не только в Лу, а во всей Восточной Азии).

Помимо этого, упоминается, что последние годы жизни он с увлечением занимался изучением мантической (по сути — натурфилософской) книги *Перемены-и*.

Хроника *Чуньцю* и книга *Перемены-и* дополняли друг друга: первая проясняла прошлое, вторая — будущее. Появление этой пары учебных произведений — признак того, что «массовая» школа стала двуединой, в ней оформились две ипостаси: «чиновничья» и «философская». Первая — практическая, связанная с подготовкой служилых, вторая — теоретическая, связанная с подготовкой мыслителей.

В 479 г. до н.э. (73 года) Кун-цзы ушел из жизни.

Заключение: процесс формирования новой школы — «массовой» для подготовки служилых

Выше были рассмотрены те аспекты биографии Кун-цзы, которые имеют отношение к возникновению и формированию «массовой» школы для подготовки представителей нового «служащего» сословия. Этот материал позволяет реконструировать два взаимосвязанных исторических процесса в культурной и социальной сферах: появление «массовой» школы как культурного института и формирование «служивших» как социальной группы.

Причины возникновения

Такая школа появилась со второй половине VI в. до н. э. и не из желания или по замыслу одного человека, а в силу объективных причин, когда в условиях обострения конфликта между двором и наиболее знатными и влиятельными кланами из числа родственников монарха, росла потребность в новом слое управленцев.

Такая школа была необходима монархам, поскольку утрачивая социальную опору в лице аристократии, они были вынуждены искать новую опору среди представителей иных социальных групп. В рамках монархического двора обеспечить подготовку служилых было невозможно — элитарную и замкнутую «дворцовую» школу, в которой учились отпрыски аристократических родов, нельзя было изменить. Поэтому они были заинтересованы в том, чтобы найти модель новой школы, соответствующей требованиям эпохи — возник запрос на школу, в которой готовили бы управленцев из числа не высшей знати, а представителей иных социальных групп. Именно их и начала выпускать «массовая» школа Кун-цзы.

Модель возникновения

Мы предполагаем, что появление «массовой» школы в Лу было вызвано стремлением главы клана Цзи, претендовавшего на власть в этом царстве, иметь свой двор, который не уступал бы монаршему, и свою школу. Тогда он обратил внимание на своеобразную школу, в которой его клиент Кун-цзы преподавал своим соседям, простым людям, жившим в предместье луской столицы.

Рождение «массовой» школы могло быть вызвано стремлением главы клана в противовес царскому двору создать свой собственный двор, непременным атрибутом

которого и была школа, задача которой заключалась в подготовке служащих для его владения.

Создателем такой школы стал человек, который по своему рождению имел отношение к трем важнейшим социальным группам: 1) к высшей родовой знати (был потомком монархов Шан-Инь) — по происхождению; 2) к служилым — по рождению; 3) к жречеству — по обучению.

Главу клана и Кун-цзы как учителя в такой школе могло объединять стремление воспитать новое поколение служилых. Но у них были различные задачи. У первого — получить преданных и всем обязанных ему клиентов, у второго — сосредоточиться на преподавании. Кун-цзы был молод, его предки происходили из иного царства, поэтому глава клана мог рассчитывать на его личную преданность, лояльность и непредвзятость в отборе и обучении учеников. Ослабление родовой мотивации, важная черта нового сословия, было присуще и самому Кун-цзы. К нему вполне применимы слова римского правоведа II в. до н. э. Помпония, сказанные им о Тиберии Корункании (консул 280 г. до н. э.), который первым из представителей плебейских родов получил жреческий сан «великого понтифика» в 253 г. до н. э.: «*Тиберий Корунканий первый начал публично преподавать; из его писания ничего не сохранилось, но его ответы были многочисленны и памятны*» [55] (см. с. 49).

Школа при дворе главы клана Цзи могла формироваться по примеру «дворцовой» школы царства Лу [4, 56]. Но во многом и как альтернатива ей. Поскольку при дворе главы клана воспроизвести культурную среду царского двора было невозможно, то появлялись некоторые отклонения, которые и определили характер новой школы. В частности, вне двора и храма (вне дворцово-храмового пространства столицы) неизбежно происходила десакрализация и секуляризация самой школы и передававшихся в ней знаний (прежде всего «текстов», положенных в основу обучения), восходящих к дворцовой и храмовой культурным средам, но прошедших отбор и переработку³⁷.

Модель школы Кун-цзы оказалась наиболее удачной во многом благодаря тому, что в ней был обобщен и переосмыслен культурный багаж прошлого. В ней появились условия для формирования новой, исключительно востребованной социальной группы. Причем обучение в его школе могло быть наследственным: у него учились Янь Ю 顏由 и его сын Янь Хуй 顏回, Цзэн Дянь 曾点 и его сын Цзэн Цань 曾參 и др. [41] (см. с. 66). Это позволяло, расширяя число служащих, чье социальное происхождение уже не имело значения, использовать их на разных должностях и в разных сферах управления, не опасаясь с их стороны попыток вмешательства в политическую борьбу или выдвижения завышенных имущественных требований.

Создавая школу вне царского двора, Кун-цзы и его покровитель получили результат, о котором едва

³⁷ Благодарю за это наблюдение М.С. Целуйко.

ли могли помышлять, — выпускники школы, не будучи связанными со двором и монархом нормами родовой этики и не являясь частью аристократии, могли, не претендуя на высокие посты и крупные наследственные владения, служить верой и правдой на разных должностях, защищая интересы своих покровителей. Поэтому деятельность школы усиливала опору власти того, под чью опеку она переходила: монарха царства или главы клана.

Иными словами, «массовая» школа как новый социальный институт возникла тогда, когда в новых исторических условиях новых людей нужно было обучать новым знаниям и навыкам, которым не учили в дворцовых и храмовых школах, например, ведению управленческой и административно-хозяйственной деятельности — пусть даже на примере упомянутых в канонах мифических и легендарных героев.

А за пределами «чжоуского мира», в царствах бассейна Янцзы (Чу, У, Юэ), ситуация была иной (в политической борьбе доминировал монарх, а не члены аристократических кланов) — потребность в новой социальной группе не была столь же острой, а для восполнения недостатка в квалифицированных управленцах было достаточно задействовать переселенцев из других царств. Поэтому и «массовые» школы для подготовки чиновников там оказались не столь востребованы, но зато возникали условия для формирования «философских» школ, чьи выпускники не были нацелены исключительно на поступление на службу, а преподаватели (и местные, и приехавшие с севера) могли дистанцироваться от любого двора (Чжуан-цзы, Ле-цзы, Сюнь-цзы и др.).

Описав обстоятельства появления новой школы как социального и культурного явления и выявляя

социальные и культурные механизмы ее формирования, мы исходили из того, что ее возникновение являлось характерным для своего времени явлением — такие школы могли появляться в различных царствах ареала чжоуской культуры. Можно предполагать, что Кун-цзы в царстве Лу не был единственным, кто создавал школу для подготовки управленцев, поскольку в следующий период они стали массовым явлением и появились в разных царствах Восточной Азии. Кун-цзы был одним из первых, наиболее известных и, очевидно, наиболее успешных, кто предложил наиболее эффективные и исторически перспективные модели обучения и воспитания.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Конфликт интересов. Нет

Competing interest. None.

Источники финансирования. Работа подготовлена автором с использованием собственных средств.

Funding sources. This research is conducted at the Author's own expense.

Благодарности: Автор благодарит М.С. Целуйко за внимательное прочтение статьи и ее плодотворное обсуждение; Д.В. Конончука за ряд важных уточнений и наблюдений, Н.В. Руденко за предложения по улучшению переводов фрагментов источников.

Acknowledgements. The Author wishes to express gratitude to M.S. Tseluyko who has read this article thoroughly and for his fruitful participation in the discussion thereof; special thanks goes to D.V. Kononchuk for some important observations and commentary; the Author also feels indebted to N.V. Rudenko for his commentary on improving translation of some parts of the sources.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
2. Ульянов М.Ю. О выделении периодов при описании исторического процесса на примере периодизации Чуньцю (771–453 до н. э.) и Чжаньго (453–221 до н. э.) в истории Древнего Китая // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, апрель 2008 г.). М., 2008. С. 60–62.
3. Ульянов М.Ю. К характеристике процесса сохранения исторической памяти в Древнем Китае периода Чуньцю (771–453 гг. до н. э.). В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы: 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 71–167.
4. Ульянов М.Ю. «Дворцовая» школа в царствах Восточной Азии: к характеристике социальных и культурных процессов первой половины периода Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 2. С. 28–62.
5. Ульянов М.Ю. Политические и социальные условия возникновения «массовой» школы по подготовке «служилых» в конце периода Чуньцю (втор. пол. VI – перв. пол. V вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 2020 г.). М., 2020. С. 100–102.
6. Ульянов М.Ю. Ключевые вехи становления первой «массовой» школы в царстве Лу в конце периода Чуньцю (втор. пол. 6 – перв. пол. 5 вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 2020 г.). М., 2020. С. 102–104.
7. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии. В кн.: Отголосок прошедшего в будущем. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 47–71.
8. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. – 25 г. н.э.) // Общество и государство в Китае. Т. 44. № 2. С. 312–364.
9. Осмачко А.И., Сергеев А.Л., Конончук Д.В. «[Когда] в общине человечность...»: новый перевод четвертой главы «Лунь юя» с комментариями Чжу Си // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 46–54.
10. 余英时. 士与中国文化. 上海, 2003. [Юй Инши. Ши юй Чжунго вэньхуа (Служилые *ши* и китайская культура). Шанхай, 2003].

11. Goldin P. Confucius and His Disciples in the Lunyu: The Basis for the Traditional View. In: Confucius and the *Analects* Revisited: New Perspectives on Composition, Dating, and Authorship. Ed. by M. Hunter & M. Kern. Brill, 2018. P. 92–115.
12. Ebrey P. Toward a Better Understanding of the Later Han Upper Class. In: Dien A.E., ed. State and Society in Early Medieval China. Stanford University Press, 1990. P. 49–72.
13. Pines Yu. Envisioning Eternal Empire: Chinese Political Thought of the Warring States Era. Honolulu, 2009.
14. Pines Yu. Confucius' Elitism. The Concepts of *junzi* and *xiaoren* Revisited. In: A Concise Companion to Confucius. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2017. P. 164–184.
15. Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987.
16. Гуревич А.Я. Предисловие. В кн.: Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. М.; СПб., 1999.
17. Конончук Д.В. О дате рождения Конфуция // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. №3. С. 5–12.
18. 何新. 孔子年谱.北京, 2007. [Хэ Синь. Кун-цзы няньпу (Биография Конфуция). Пекин, 2007].
19. Dubs H.H. The Political Career of Confucius // Journal of the American Oriental Society. 1946. Vol. 66. No. 4. P. 273–282.
20. Переломов Л.С. Слово Конфуция. М., 1992.
21. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
22. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. Исследование, перевод с китайского, комментарии. Факсимильный текст «Лунь юя» с комментариями Чжу Си. М., 1998.
23. Малявин В.В. Конфуций. М., 1992.
24. Ткаченко Г.А. Избранные труды: китайская космогония и антропология. М., 2008.
25. Васильев К.В. «Планы Сражающихся царств»: исследование и переводы. М., 1968.
26. Васильев К.В. Из истории древнекитайских письменных памятников // Страны и народы Востока. Вып. 11: Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1971. С. 15–24.
27. Васильев К.В. Некоторые вопросы изучения памятников древнекитайской историографии (Критический обзор исследовательской части книги: Imber A. Guo yu. An Early Chinese Text and its Relationship with the *Tso Chuan*. Vol. 1, 2. Stockholm, 1975). В кн.: Письменные памятники Востока: ежегодник 1975. М., 1982. С. 244–259.
28. Васильев К.В. Ранняя история древнекитайских письменных памятников // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М., 1988. С. 81–102.
29. Целуйко М.С. К вопросу формирования элит в Китае (на основе анализа погребений) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 4. С. 31–39.
30. 腾铭予. 秦文化. 从封建国到帝国的考古学观察.北京, 2003. [Тэн Миньюй. Цинь Вэньхуа. Цун фэнцзяньго дао диго дэ каогусюэ гуаньча (Культура Цинь: от феодального государства к империи: археологическое обозрение). Пекин, 2003.]
31. Журавлева В.П. Библиография Китая. Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008. М., 2015.
32. Конфуций. Суждения и беседы. Исследование А. Маслова, перевод П. Полова. Ростов н/Д, 2006.
33. Маслов А.А. Конфуций. Беседы с одиноким мудрецом. М., 2020.
34. Быков Ф.С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966.
35. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989.
36. Боровская Н.Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.
37. Малявин В.В. Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново, 2018.
38. Позднеева Л.Д. К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // Вестник древней истории. 1958. № 3. С. 3–17.
39. Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Вестник древней истории. 1959. № 3. С. 22–43.
40. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер., коммент. Р.В. Вяткин. Т. 6. М.: Восточная литература, 1992.
41. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер., коммент. Р.В. Вяткин. Т. 7. М.: Восточная литература, 1996.
42. Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы» / пер. с кит., предисл. И.И. Семенов. М., 2016.
43. Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб., 2009.
44. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. М., 2016.
45. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер., коммент. Р.В. Вяткин. Т. 5. М.: Восточная литература, 1987.
46. Конончук Д.В. О родовом иероглифе Конфуция // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 25–32.
47. Семенов И.И. Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си. М., 2016.
48. 司馬遷. 史記. 北京, 1959. [Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Пекин, 1959.]
49. 匡亞明. 孔子評傳. 南京, 1990. [Куан Я-мин. Кунцзы пинчжуань (Жизнеописание Конфуция). Нанкин, 1990].
50. Хуайнаньцзы: философы из Хуайнани / пер. с кит., вступит. ст., примеч. Л.Е. Померанцевой. М., 2016.
51. Ульянов М.Ю. Ши 師 в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) — жрецы или «наставники»: трудности перевода и их преодоление. В кн.: Прикосновение к вечности: Сб. ст. М., 2017. С. 37–49.
52. 禮記/四書五經, 冊2. 北京, 1985 [Лицзи (Записи о ритуалах) / Сышу у цзин. Т. 2. Пекин, 1985].
53. Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский — историк античной философии. М., 1981.
54. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / отв. ред. А.Р. Вяткин, пер. Р.В. Вяткин. Т. 9. М.: Восточная литература, 2010.
55. Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III – I в. до н. э. М., 2005.
56. Ульянов М.Ю. К характеристике социальных и культурных процессов периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): от школы «дворцовой» к школе «массовой» // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля 2019). М., 2019. С. 25–27.

REFERENCES

1. Bahtin MM. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa*. Moscow; 1965. (In Russ.)
2. Ulyanov MYu. O vydelenii periodov pri opisanih istoricheskogo processa na primere periodizacii Chunqiu (771–453 do n.e.) i Zhango (453–221 do n.e.) v istorii Drevnego Kitaya. Proceedings of the science conference "Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie"; 2008 Apr; Moscow. Moscow; 2008. P:60–62. (In Russ.)
3. Ulyanov MYu. K karakteristike processa sohraneniya istoricheskoy pamyati v Drevnem Kitae perioda Chunqiu (771–453 gg. do n.e.). In: *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2013 god: Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvah Drevnosti i Srednevekov'ya. Moscow; 2016. (In Russ.)
4. Ulyanov MYu. «Dvorcovaya» shkola v carstvakh Vostochnoj Azii: k karakteristike social'nyh i kul'turnyh processov pervoy poloviny perioda Chunqiu (771–453 gg. do n.e.). *Society and State in China*. 2019;49(2):28–62. (In Russ.)
5. Ulyanov MYu. Politicheskie i social'nye usloviya vozniknoveniya «massovoy» shkoly po podgotovke «sluzhilyh» v konce perioda Chunqiu (vtor. pol. VI – perv. pol. V vv. do n.e.). Proceedings of the science conference "Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika"; 2020; Moscow. Moscow; 2020. P:100–102. (In Russ.)
6. Ulyanov MYu. Klyucheveye vekhi stanovleniya pervoy «massovoy» shkoly v carstve Lu v konce perioda Chunqiu (vtor. pol. 6 – perv. pol. 5 vv. do n.e.). Proceedings of the science conference "Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika"; 2020; Moscow. Moscow; 2020. P:102–104. (In Russ.)
7. Bashkeev VV, Ulyanov MYu, Tseluyko MS. Podhody k issledovaniyu politicheskikh processov v opisanih drevnej i srednevekovoy istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoj Azii. In: *Otgososok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P:47–71. (In Russ.)
8. Bashkeev VV, Ulyanov MYu. Periodizaciya kak instrument i kak rezul'tat issledovaniya politicheskogo processa: na primere istorii Kitaya pozdnej drevnosti (221 g. do n.e.– 25 g. n.e.). *Society and State in China*. 2014;44(2):312–364. (In Russ.)
9. Osmachko AI, Sergeev AL, Kononchuk DV. «[Kogda] v obshchine chelovechnost'...»: novyj perevod chetvortoj glavy «Lun yuya» s kommentariyami Zhu Xi. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2018;3:46–54. (In Russ.)
10. Yu Inshi. *Shi yu Zhungo wenhua* [Scholars and Chinese culture]. Shanghai; 2003. (In Chinese)
11. Goldin P. Confucius and His Disciples in the Lunyu: The Basis for the Traditional View. In: *Confucius and the Analects Revisited: New Perspectives on Composition, Dating, and Authorship*. Ed. by M. Hunter & M. Kern. Brill; 2018. P:92–115.
12. Ebrey P. Toward a Better Understanding of the Later Han Upper Class. In: Dien AE, ed. *State and Society in Early Medieval China*. Stanford University Press; 1990. P:49–72.
13. Pines Y. *Envisioning Eternal Empire: Chinese Political Thought of the Warring States Era*. Honolulu; 2009.
14. Pines Y. Confucius' Elitism. The Concepts of junzi and xiaoren Revisited. In: *A Concise Companion to Confucius*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2017. P:164–184.
15. Semenenko II. *Aforizmy Konfuciya*. Moscow; 1987. (In Russ.)
16. Gurevich AYA. Predislovie. In: *Izbrannye trudy. T. 2: Srednevekovyj mir*. Moscow; Saint-Petersburg; 1999.
17. Kononchuk DV. O date rozhdeniya Konfuciya. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2019;3:5–13. (In Russ.)
18. He Xin. *Kongzi nianpu* [Biography of Confucius]. Beijing, 2007. (In Chinese)
19. Dubs HH. The Political Career of Confucius. *Journal of the American Oriental Society*. 1946;66(4):273–282.
20. Perelomov LS. *Slovo Konfuciya*. Moscow; 1992. (In Russ.)
21. Perelomov LS. *Konfucij: zhizn', uchenie, sud'ba*. Moscow; 1993. (In Russ.)
22. Perelomov LS. *Konfucij. Lun' yuj. Issledovanie, perevod s kitajskogo, kommentarii. Faksimil'nyj tekst «Lun' yuya» s kommentariyami Zhu Si*. Moscow; 1998. (In Russ.)
23. Malyavin VV. *Konfucij*. Mjscow; 1992. (In Russ.)
24. Tkachenko GA. *Izbrannye trudy: kitajskaya kosmogoniya i antropologiya*. Moscow; 2008. (In Russ.)
25. Vasil'ev KV. «Plany Srazhayushchihysya carstv»: issledovanie i perevody. Moscow; 1968. (In Russ.)
26. Vasil'ev KV. *Iz istorii drevnekitajskih pis'mennyh pamyatnikov. In: Strany i narody Vostoka. Vyp. 11: Strany i narody Central'noj, Vostochnoj i YUgo-Vostochnoj Azii*. Moscow; 1971. P:15–24. (In Russ.)
27. Vasil'ev KV. Nekotorye voprosy izucheniya pamyatnikov drevnekitajskoj istoriografii (Kriticheskij obzor issledovatel'skoj chasti knigi: Imber A. Guo yu. An Early Chinese Text and its Relationship with the Tso Chuan. Vol. 1, 2. Stockholm; 1975). In: *Pis'mennye pamyatniki Vostoka: ezhegodnik 1975*. Moscow; 1982. P:244–259. (In Russ.)
28. Vasil'ev KV. Rannyya istoriya drevnekitajskih pis'mennyh pamyatnikov. In: *Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka. Kn. 2*. Moscow; 1988. P:81–102. (In Russ.)
29. Tseluyko MS. K voprosu formirovaniya elit v Kitae (na osnove analiza pogrebenij). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2012;11(4):31–39. (In Russ.)
30. Teng Mingyu. *Qin wenhua. Cong fengjianguo dao diguo de kaoguxue guanचा* [From Vassal State to Empire: An Archaeological Examination of Qin Culture]. Beijing; 2003. (In Chinese)
31. Zhuravleva VP. *Bibliografiya Kitaya. Filosofiya i obshchestvenno-politicheskaya mysl'. Etika. Estetika. Voennaya mysl'. Mifologiya. Religiya. 1958–2008*. Moscow; 2015. (In Russ.)
32. Konfucij. *Suzhdeniya i besedy*. Issledovanie A. Maslova, perevod P. Popova. Rostov-na-Donu; 2006. (In Russ.)
33. Maslov AA. *Konfucij. Besedy s odinokim mudrecom*. Moscow; 2020. (In Russ.)
34. Bykov FS. *Zarozhdenie obshchestvenno-politicheskoy i filosofskoj mysli v Kitae*. Moscow; 1966. (In Russ.)
35. Vasilev LS. *Problemy genezisa kitajskoj mysli*. Moscow; 1989. (In Russ.)
36. Borevskaya NE. *Ocherk istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli v Kitae*. Moscow; 2002. (In Russ.)
37. Malyavin VV. *Ocherk obrazovaniya i pedagogiki v starom Kitae*. Ivanovo; 2018. (In Russ.)
38. Pozdneeva LD. K probleme istochnikovedcheskogo analiza drevnekitajskih filosofskih traktatov. *Vestnik drevnej istorii*. 1958;3:3–17. (In Russ.)
39. Pozdneeva LD. Oratorskoe iskusstvo i pamyatniki drevnego Kitaya. *Vestnik drevnej istorii*. 1959;3:22–43. (In Russ.)
40. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski* (Shi ji). Vyatkin RV, trans., comment. Moscow: Vostochnaja literatura; 1992;6. (In Russ.)

41. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski* (Shi ji). Vyatkin RV, trans., comment. Moscow: Vostochnaja literatura; 1996:7. (In Russ.)
42. *Rannyya konfucianskaya proza: «Lun'yuj», «Menczy»*. Per. s kit. i predisl. Semenenko II, trans., comment. Moscow; 2016. (In Russ.)
43. Lur'e VM. *Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu*. Saint-Petersburg; 2009. (In Russ.)
44. *Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka. T. 1: Drevnejshaya i drevnyaya istoriya (po arheologicheskim dannym): ot paleolita do V v. do n. e.* Moscow; 2016. (In Russ.)
45. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski* (Shi ji). Vyatkin RV, trans., comment. Moscow: Vostochnaja literatura; 1987:5. (In Russ.)
46. Kononchuk DV. O rodovom ieroglife Konfuciya. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2020;4:25–32. (In Russ.)
47. Semenenko II. *Mengzi v novom perevode s klassicheskimi komentarijami Zhao Qi i Zhu Xi*. Moscow; 2016. (In Russ.)
48. Sima Qian. *Shi ji* [Records of the Grand Historian]. Beijing; 1959. (In Chinese)
49. Kuang Ya-ming. *Kongzi pingzhuan* [Biography of Confucius]. Nanjing; 1990. (In Chinese)
50. Huajnczy: filozofy iz Huajnani. Pomeranceva LE, trans., introduction, comment. Moscow; 2016. (In Russ.)
51. Ulyanov MYu. SHi 師 v period Chunqiu (771–453 gg. do n. e.) — zhrecy ili «nastavniki»: trudnosti perevoda i ih preodolenie. In: *Prikosnovenie k vechnosti: sbornik statej*. Moscow; 2017. (In Russ.)
52. *Liji* [Book of Rites] / Sishu wujing. B. 2. Beijing; 1985. (In Chinese)
53. Losev AF. *Diogen Laertsij – istorik antichnoj filosofii*. Moscow; 1981. (In Russ.)
54. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski* (Shi ji). Vyatkin RV, trans.; Vyatkin AR, ed. Moscow: Vostochnaja literatura; 2010:9. (In Russ.)
55. Sidorovich OV. *Annalisty i antikvary: rimskaya istoriografiya konca III – I v. do n.e.* Moscow; 2005. (In Russ.)
56. Ulyanov MYu. K karakteristike social'nyh i kul'turnyh processov perioda Chunqiu (771–453 gg. do n.e.): ot shkoly «dvorcovoj» k shkole «massovoj». Proceedings of the science conference “Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie”; 2019 Apr 15; Moscow. Moscow; 2019. P:25–27. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Ульянов Марк Юрьевич, канд. ист. наук, доцент
 Адрес: Россия, 125009, Москва, ул. Моховая 11;
 e-mail: ulm@mail.ru; eLibrary SPIN: 7106-8162;
 ORCID id: 0000-0002-9544-1671

AUTHOR INFO

Mark Yu. Ulyanov, Cand. Sci. (Hist), Docent;
 address: 11, Mokhovaya Str., 125009 Moscow, Russia;
 e-mail: ulm@mail.ru; eLibrary SPIN: 7106-8162;
 ORCID id: 0000-0002-9544-1671